

А.С.Сарсамбекова

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана (e-mail: Sasz55@mail.ru)

Процессы, происходящие в этническом самосознании казахов Западной Сибири и сопредельных территорий Казахстана (конец XX – начало XXI вв.)

В статье отмечено, что материалом для исследования послужили данные проведенного этносоциологического опроса казахов Западной Сибири и сопредельных территорий Северного Казахстана. Рассмотрены процессы, происходящие в этническом самосознании казахов трансграничной зоны Российской Федерации и Казахстана. Дано определение понятия «этническое самосознание», представлена дискуссия, имевшая место на страницах журнала «Этнографическое обозрение» в конце XX столетия. Автором отмечено влияние политических процессов, происходивших в конце прошлого столетия, на процессы в этническом самосознании. Доказано, что результатом этого явилось выделение нескольких уровней этнического самосознания казахов исследуемой территории. Наряду с этим рассмотрен уровень тревожности казахского населения Российской Федерации в начале XXI в. Исследованы миграционные настроения казахов Российской Федерации (возможность возвращения на этническую Родину).

Ключевые слова: этническое самосознание, этнофор, полиэтничная зона, общенациональный, этнический, субэтнический, уровень тревожности, миграционные процессы.

В советской, а позднее и в российской этнологической науке сложилось два понимания термина «этническое самосознание»: «представление людей о собственном этносе, о его свойствах» (Ю.В.Бромлей) и «осознание людьми своей этнической (национальной) принадлежности» (В.И.Козлов) [1; 180, 84–86]. Как отмечает Б.Е.Винер, русский термин «этническое самосознание в широком смысле» соответствует английскому «этническая идентичность», а «этническое самосознание в узком смысле» — английскому «этническая самоидентификация» [2; 3–26].

Приступая к рассмотрению данного вопроса, отметим, что понятие «этническое самосознание» является одним из сложных и ключевых моментов в этнологии, вокруг которого постоянно идут дискуссии, но до сих пор ученые не могут ответить, в чем состоит суть этнического самосознания. Как отмечает И.Ю.Заринов, в области научного анализа этнос стоит в ряду самых сложных и неоднозначных социальных категорий, и попытка ученых вычленил и объяснить с ее помощью суть такой общности людей, за которой закрепилось многозначное понятие «народ», обернулась многолетними дискуссиями по поводу самой природы этничности и ее места в социуме [3; 21–31]. В настоящее время сформировалось два противоположных «лагеря» — сторонники и противники идеи реальности этнической субстанции [4; 3–15].

Приведем мнения ученых относительно данного вопроса, опубликовавших свои работы на страницах журнала «Этнографическое обозрение» на рубеже XX–XXI вв.

Относительно этничности С.В.Чешко отмечает, что это групповая идентичность, производная от имманентного человечеству социального инстинкта коллективности и «легитимизируемая» посредством представлений об общем происхождении и специфичности своей культуры. Она не складывается из отдельных «микроэтночностей» («этнофоров»), а формируется как коллективная традиция, которая передается из поколения в поколение, служит важным идеологическим средством социализации индивида в рамках группы его происхождения. В результате воздействия этничности человек становится «этнофором» [5; 35–49]. В данном случае не ясно, как и каким образом происходит процесс социализации индивида в современных реалиях, которые являются полиэтничными? Например, исследуемая нами зона является полиэтничной, этноконтактной зоной казахского и восточнославянского (в основном русского) населения. Следовательно, первичная социализация должна происходить в семье, но С.В.Чешко процесс воспитания детей относит к числу вторичных, неосновных ее функций. Социализация тоже может происходить не только, и даже не главным образом, в семье родителей [5; 35–49]. Этничность, в конечном счете, представляет собой продукт человеческого (массового) сознания, спонтанную форму идеологического отражения и освоения социальной среды [5; 35–49]. Как видно из приведенных выше цитат, исследователь на первое место выносит именно коллектив, но, как известно, коллектив состоит из личностей, индивидов, и определяет свою этническую принадлежность сам человек. В данном случае нам представляется верной точка зрения С.Е.Рыбакова, отмечавшего, что не этнос формирует этничность индивидов, напротив, сам этнос ро-

ждается из этничности как антропологического качества. В связке «человек–общество» этнические структуры сориентированы в направлении не от общества к человеку, а наоборот [6; 3–16].

По мнению В.А.Тишкова, признаком этнической общности является не «общее происхождение», а представление или миф об общей исторической судьбе членов этой общности. Мы рассматриваем групповую этническую идентичность как операцию социального конституирования «воображаемых общностей», основанных на вере, что они объединены естественными и даже природными связями. Этничность — это, прежде всего, то, что относится к осознанию культуры, ее использованию как ресурса и в то же время является ее частью [7; 3–21]. На наш взгляд, данное утверждение автора отражает происходящие в настоящее время политические процессы на исследуемой нами территории (формирование понятий «россияне», «казахстанцы»). В процессе работы мы обратили внимание, что респонденты младшей возрастной группы, 16–24 года, прежде всего считают себя «россиянами», «казахстанцами», а затем уже казахами. Прорабатывая данный вопрос, на территории Северного Казахстана мы беседовали не только с казахами, но и русскими, украинцами, немцами и др. Отмеченная тенденция характерна не только для казахов, но и для представителей других этносов Северного Казахстана указанной возрастной группы. В ходе бесед мы часто сталкивались со следующим рассуждением: «Национальность — это там, где ты родился». В приведенной выше фразе хорошо отражена идея В.А.Тишкова о конструировании национальных идей именно политическими элитами, но конструирование в государственном масштабе, где нация — это синоним гражданственности. Что касается этнической принадлежности, то на обсуждении доклада В.А.Тишкова «О феномене этничности» по этому поводу Г.У.Солдатова сказала, что пожизненная, унаследованная от предков этническая принадлежность коренится не только «в головах», но и «в сердцах» людей, большинство из которых все же замешано на «крови» и «почве». В каждом человеке есть какие-то «примордиальные» струны и особенно легко их затронуть у этнических маргиналов [8; 31–49].

Рассматривая феномен этничности, И.Ю.Заринов отмечает, что в ней признак фактического или иллюзорного родства замещается сакральным ощущением общности происхождения всех тех, кто причисляет себя к тому или иному народу. Этногенез — это постепенная трансформация кровного родства в родство социокультурное. Этнос как историческая общность людей самоидентифицируется не столько осознанием единого происхождения, сколько ощущением собственных претензий на неповторимость и исключительность своих обычаев, т.е. традиций, в значительной мере имеющих материальное воплощение в хозяйственной деятельности, пище, одежде, жилье и, наконец, языке. Объективными маркерами, появившимися с момента их исторического возникновения, являются так называемые этнические признаки: специфическая культура (лучше назвать ее символической, которая вмещает все — от материальной культуры до поведенческих особенностей), язык, этноним и этническое самосознание [9; 3–29].

С.Е.Рыбаков отмечает, что этничность — это отражение в сознании групповых родственных связей и, в конечном итоге, свойство человека конвертировать данные связи в культурное и социальное единство. Родство (в широком смысле) и является сущностью этноса. Члены этноса считают себя родственниками, чувствуют себя родственниками и ведут себя как родственники. Этнос — это общность людей на основе обеспеченного эндогамией и языком единства ценностных ориентаций, которое символически выражается в стиле культуры и образе жизни [10; 3–24].

Необходимо отметить, что определения, данные И.Ю.Зариновым и С.Е.Рыбаковым, отражают существующие представления о своей этнической принадлежности и в обыденном сознании. Например, работая по данному вопросу, мы получали следующие ответы: «Я — казах (русский, украинец, немец), потому что мои родители казахи (русские, украинцы, немцы), во мне течет кровь этого народа, я знаю обычаи моего народа, я их соблюдаю, я знаю (или понимаю) язык моего народа». Таким образом, на уровне обыденного сознания не происходит разделения или выделения в качестве одного из основополагающих признаков для определения своей этнической принадлежности. Все указанные признаки в совокупности и образуют для отдельно взятого человека его этническую принадлежность.

Подводя итог, следует отметить, что этничность не является врожденным качеством личности и не может передаваться на генетическом уровне. Этничность — это продукт социализации индивида. Первоначальная социализация происходит в семье через «сигнальную наследственность» (процесс первичной социализации ребенка, происходящий в семье через бессознательное «впитывание» основополагающих элементов поведения) [10; 3–24]. Наряду с «объективными маркерами» [9; 3–29] идет процесс усвоения ребенком нравственных норм, или, как отмечает С.Е.Рыбаков, «этоса» (от греч. *ethos* — характер, нрав). Суть этнических различий содержится не в самих ценностях, а в системе оценки. Эти различия запрограммированы в бессознательных структурах этоса — ядра этнического в структуре личности. Механизм формирования обычаев есть не что иное, как механизм «ореалива-

ния» единого для всех нравственно-категорических императивов («не убий», «не укради», императив сострадания) в соответствии с этосом данного народа и превращения его в нормы поведения [4; 3–15]. Осознание своего отличия происходит в ходе знакомства и общения с представителями других этносов, поскольку в семье ребенку в возрасте 5–7 лет не говорят: «скажи спасибо, пожалуйста, потому что ты казах, русский, немец». С момента осознания своего отличия у человека возникает интерес узнать, в чем состоит его отличие, почему он такой. За разъяснениями ребенок идет к родителям, бабушкам, дедушкам, т.е. в семью. Таким образом, дихотомия «мы — они» образуется только при контакте с представителями других этносов и складывается из следующих параметров: у нас другие обычаи; мы выглядим по-другому; у нас язык свой, отличный от других; у нас еда другая. Например, автор данной работы только в подростковом возрасте узнала, что конину на зиму заготавливают только казахи, а свинину можно кушать. Также необходимо учитывать и среду, в которой происходит социализация человека, особенно это касается нетитульного населения государств. В данном месте, на наш взгляд, правомерно привести высказывание Амана Тулеева из статьи В.А.Тишкова «О феномене этничности»: «Кто я есть с такой физиономией, как моя, тем более учитывая, к сожалению, сегодняшнюю чувствительность многих к национальности?... Я не могу кричать на каждом углу, что от детского сада до учебы в Академии общественных наук я жил как русский. И еще неизвестно, кто более русский: Тулеев или те, кто громко объявляют об этом» [7; 3–21].

В целом на исследуемой территории можно выделить несколько уровней этнического самосознания казахов: общенациональный (гражданство — «казахстанцы», «россияне», что характерно для младшей возрастной группы); этнический — казахи; субэтнический — российские казахи (русские казахи); территориальный (сибирские казахи, алтайские казахи, омские казахи, тюменские казахи, северные казахи — это характерно для территории Северного Казахстана) и родоплеменной. Мы считаем не бесспорной точку зрения О.М.Проваторовой, что родоплеменная принадлежность казахов носит номинальный характер и, по существу, является исторической традицией [11; 18]. Жители сельской местности, в отличие от горожан, придают большое значение данному факту. При знакомстве казахи узнают род друг друга. Человек одного с тобой рода становится тебе ближе, поскольку на уровне обыденного сознания он воспринимается уже как родственник. Высоко значение родоплеменной принадлежности и у горожан первого поколения — выходцев из казахских аулов. Мы связываем это с тем, что горожане первого поколения — маргиналы и им жизненно необходимо «вписаться» в городскую среду, что гораздо легче сделать при поддержке родственников, а при отсутствии таковых их «заменяют» люди одного рода.

Отвечая на вопрос, какие чувства вызывает у Вас принадлежность к казахской нации, 44,2 % респондентов Западной Сибири и 64,2 % респондентов Северного Казахстана отметили «гордость»; 2,7 и 4,2 % (соответственно Западной Сибири и Северного Казахстана) — «превосходство»; 50,6 и 31,6 % — «спокойную уверенность» (табл. 1,2). На территории Западной Сибири 0,4 % респондентов отметили «стыд»; 1,7 % — «ущемленность»; 0,4 % — «униженность» (табл. 1, 2).

Таблица 1

Распределение ответов казахов Западной Сибири на вопрос: «Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к казахской нации?» (по данным опросов, %), в зависимости от возраста и пола

Чувства	До 25 лет		25–29 лет		30–34 года		35–49 лет		50–59 лет		60 и более лет		Итого		Всего
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	
Гордость	49,7	36,8	40,9	42,5	51,2	52,2	47,1	41,7	44,6	43,5	43,4	40,4	46,0	41,8	44,2
Превосходство	3,1	4,0	6,7		4,0	6,2	2,3	1,8	1,8	2,6		2,5	2,6	2,8	2,7
Спокойная уверенность	46,4	56,2	47,4	52,5	40,8	41,6	47,0	54,7	50,0	51,3	54,2	57,1	48,4	53,4	50,6
Стыд					2,0		0,4	0,6	0,9		1,2		0,6	0,2	0,4
Ущемленность	0,8	2,0	5,0	5,0	2,0		1,8	1,2	2,7	2,6			1,8	1,6	1,7
Униженность		1,0					1,4				1,2		0,6	0,2	0,4
Абсолютные числа	127	96	59	40	49	48	211	159	104	76	83	77	633	496	1129

**Распределение ответов казахов Северного Казахстана на вопрос:
«Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к казахской нации?» (по данным опросов, %),
в зависимости от возраста и пола**

Чувства	До 25 лет		25–29 лет		30–34 года		35–49 лет		50–59 лет		60 и более лет		Итого		Всего
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	
Гордость	66,1	58,7	53,4	62,6	64,8	63,0	67,2	65,9	68,2	59,5	77,5	86,7	64,4	64,0	64,2
Превосходство	2,4	4,3	7,3	5,6		4,8	3,3	6,0	2,1	8,1		3,3	3,3	5,3	4,2
Спокойная уверенность	31,5	37,0	39,3	31,8	35,2	32,2	29,5	28,1	29,7	32,4	22,5	10,0	32,3	30,7	31,6
Абсолютные числа	165	116	122	88	51	62	149	149	47	37	31	30	565	482	1047

Среди респондентов, проживающих в городской среде, 39,7 % респондентов г. Омска и 68,2 % респондентов г. Кокшетау отметили «гордость»; 4,0 % респондентов Западной Сибири и 4,0 % г. Кокшетау — «превосходство»; 52,2 и 27,8 % респондентов (соответственно г. Омска и г. Кокшетау) — «спокойную уверенность». Кроме того, 3,3 % респондентов г. Омска указали «ущемленность», 0,8 % — «униженность».

Ответы респондентов, проживающих в сельской местности, показали следующее: «испытывают гордость» — 48,6 % респондентов Западной Сибири и 59,2 % респондентов Северного Казахстана; «превосходство» — 1,4 и 4,5 % респондентов соответственно; «спокойную уверенность» — 49,1 и 36,3 % соответственно. В сельской местности Западной Сибири 0,8 % респондентов отметили «стыд» и 0,1 % — «ущемленность».

Таблица 3

**Распределение ответов казахов Западной Сибири на вопрос: «Как Вам кажется, есть ли какие-то различия между российскими и казахстанскими казахами?» (по данным опросов, %),
в зависимости от возраста и пола**

Ответы респондентов	До 25 лет		25–29 лет		30–34 года		35–49 лет		50–59 лет		60 и более лет		Итого		Всего
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Диалект	10,2	14,6	11,9	10,0	14,3	22,9	13,7	16,9	14,4	10,5	9,6	9,1	12,5	14,3	13,3
Менталитет	11,8	15,6	11,9	17,5	4,1	10,4	13,7	12,6	26,9	11,8	13,3	20,8	14,5	14,5	14,5
Сохранение традиций	1,6	5,2	8,5	2,5	4,1		4,3	1,9	2,9	2,6	4,8	2,6	3,9	2,6	3,4
Знание родного языка	8,7	8,3	1,7	5,0	8,2		5,2	3,8	3,8	6,6	4,8	1,3	5,5	4,4	5,0
Сохранение традиций у нас	36,2	14,6	30,5	17,5	34,7	29,2	26,1	25,2	24,0	36,8	18,1	11,7	29,4	22,6	26,4
Да, но не знаю, в чем	1,6		3,4			2,1	3,3	1,9	4,8	2,6		9,1	2,5	2,6	2,6
Нет	18,1	27,1	18,6	30,0	14,3	22,9	19,4	26,4	18,3	23,7	20,5	29,9	18,6	26,6	22,1
Затрудняюсь	11,8	14,6	13,5	17,5	20,3	14,6	14,3	11,3	4,9	5,4	28,9	15,5	13,1	12,4	12,7
Абсолютные числа	127	96	59	40	49	48	211	159	104	76	83	77	633	496	1129

На вопрос о том, есть ли какие-то различия между российскими казахами и казахами Казахстана, приведем процентные показатели, полученные при ответах респондентов, превышающие десять процентов. Ответы респондентов Западной Сибири расположились следующим образом: «сохранение традиций» — 26,4 % респондентов; «нет» — 22,1 % (в данном случае количество мужчин оказалось больше); «менталитет» — 14,5 %; диалект — 13,3 %; затруднились ответить — 12,7 %; «да, но не знаю, в чем» — 2,6 % респондентов (следует отметить, что женщин, ответивших на данный вопрос, больше, чем мужчин) (табл. 3). На территории Северного Казахстана 56,2 % респондентов ответили «нет» (при ответе на данный вопрос количество мужчин было больше, чем женщин); 14,9 % респон-

дентов — «да, но не знаю, в чем» (при ответе на данный вопрос количество женщин преобладает); 10,7 % респондентов указали «менталитет» (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Распределение ответов казахов Северного Казахстана на вопрос: «Как Вам кажется, есть ли какие-то различия между казахстанскими и российскими казахами?» (по данным опросов, %), в зависимости от возраста и пола

Ответы респондентов	До 25 лет		25–29 лет		30–34 года		35–49 лет		50–59 лет		60 и более лет		Итого		
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	
Менталитет	10,3	8,6	15,6	14,8	13,7	9,7	7,4	10,7	12,8	13,5	3,2	3,3	10,8	10,6	10,7
Диалект	8,5	3,4	11,5	7,9	1,9	1,6	4,0	8,7	10,6	8,1			7,0	5,8	6,5
Не знают родной язык	5,5	6,9	2,5	2,3	1,9		1,3	2,7	4,3	13,5	6,4		3,4	3,9	3,6
Не соблюдают казахские обычаи	9,7	9,5	3,3	2,3	5,7	9,7	2,0	2,0					4,6	4,6	4,6
Сохраняют казахские традиции	4,2	2,6	1,6	2,3	3,8	1,6	7,4	3,4	6,4		3,2	3,3	4,4	2,5	3,5
Да отличаются, но не знаю чем	23,6	16,4	9,8	7,9	7,8	9,7	20,8	10,1	17,0	21,6	9,6	16,7	17,2	12,4	14,9
Нет	38,2	52,6	55,7	62,5	65,2	67,7	57,1	62,4	48,9	43,3	77,6	76,7	52,6	60,2	56,2
Абсолютные числа	165	116	122	88	51	62	149	149	47	37	31	30	565	482	1047

Нами выявлены схожие тенденции в ответах респондентов исследуемой территории: женщины более склонны видеть различия, мужчины — нет; большим процентом респондентов в качестве различия отмечен менталитет; казахи Северного Казахстана считают, что российские казахи не отличаются от казахстанских.

Ответы респондентов г. Омска на вопрос, есть ли какие-то различия между местными казахами и казахами Казахстана, расположились следующим образом: 43,1 % респондентов ответили «да, но не знаю, в чем»; 35,4 % — «нет»; 11,2 % затруднились ответить на данный вопрос. Согласно полученным данным, 53,3 % респондентов г. Кокшетау считают, что отличий нет; 20,2 % ответили «да, но не знаю, чем»; 10,5 % указали в качестве отличия менталитет. Наблюдалось сохранение выявленной тенденции: женщины больше склонны видеть различия, чем мужчины.

Рассмотрим ответы респондентов, проживающих в сельской местности. Всего 26,3 % опрошенных в Западной Сибири в качестве отличия назвали менталитет; 22,0 % — «диалект»; 14,3 % ответили, что нет отличий. Респонденты, проживающие в сельской местности Северного Казахстана, не видят отличий. Всего 65,3 % респондентов отметили «нет». При сравнении данных, полученных в городе и на селе, выявлено: казахи Северного Казахстана считают, что российские казахи не отличаются от казахстанских. Казахи Западной Сибири, напротив, отличают себя от казахов Казахстана. Одни респонденты считают главным отличием менталитет, другие не знают, в чем состоит их отличие. В частных беседах информаторы отвечали: «Российские казахи между собой схожи, но от казахстанских казахов отличаются, они другие». Таким образом, в данном случае можно вести речь об этноэволюционных процессах в этническом самосознании. Данное явление мы склонны считать следствием языковой ассимиляции.

Рассмотрим миграционные настроения казахов исследуемой территории. Хотят мигрировать в Казахстан 23,6 % респондентов Западной Сибири; 3,5 % отметили «другие регионы России», из них 3,4 % ответов получено на территории Алтайского края; 72,9 % ответили «нет» (табл. 5). Наибольшие процентные показатели, свидетельствующие о желании респондентов переехать в Казахстан, были получены на территории Новосибирской области, наименьшие — в Алтайском крае (табл. 5). Процент отсутствия желания перемены места жительства был выше на территории Омской области, чем на территории Новосибирской (табл. 5). На территории Северного Казахстана 96,2 % респондентов ответили, что не желают выезжать в Россию, 3,8 % респондентов ответили «да» (табл. 6). Следует отметить, что 78,3 % респондентов Западной Сибири и 32,3 % респондентов Северного Казахстана имеют родственников, проживающих на сопредельных территориях (табл. 7, 8).

Т а б л и ц а 5

Распределение ответов казахов Западной Сибири на вопрос: «Хотели бы Вы иммигрировать в Казахстан, другие регионы России?» (по данным опросов 2003–2006 гг., %)

	г. Омск	Омская область	Новосибирская область	Тюменская область	Алтайский край
Абсолютные числа	571	148	32	42	336
Казахстан	25,0	18,9	56,2	28,5	11,3
Другие регионы России		0,6			11,3
Никуда не хочу уезжать	75,0	80,5	43,8	71,5	77,4

Т а б л и ц а 6

Распределение ответов казахов Северного Казахстана на вопрос: «Хотели бы Вы иммигрировать в Россию?» (по данным опросов 2003–2006 гг., %)

	г. Кокшетау	Северный Казахстан (село)
Абсолютные числа	588	459
Да	4,0	3,5
Нет	96,0	96,5

Т а б л и ц а 7

Распределение ответов казахов Западной Сибири на вопрос: «Есть ли у Вас родственники в Казахстане?» (по данным опросов 2003–2006 гг., %)

	г. Омск	Западная Сибирь (сельская местность)
Абсолютные числа	571	558
Да	62,7	94,2
Нет	37,3	5,8

Т а б л и ц а 8

Распределение ответов казахов Северного Казахстана на вопрос: «Есть ли у Вас родственники в России?» (по данным опросов 2003–2006 гг., %)

	г. Кокшетау	Северный Казахстан (село)
Абсолютные числа	571	148
Да	27,4	38,6
Нет	72,6	61,4

На вопросы: «Многие ли из Ваших родственников и знакомых уехали из России в Казахстан (из Казахстана в Россию)»; «Многие ли вернулись обратно» ответы респондентов расположились следующим образом. Всего 50,8 % респондентов Западной Сибири (табл. 9) и 22,1 % Северного Казахстана (табл. 10) ответили «да, выезжали»; 45,9 % респондентов Западной Сибири (табл. 9) и 72,3 % Северного Казахстана (табл. 10) ответили «нет»; что выезжавшие родственники вернулись назад ответили 3,3 % респондентов Западной Сибири (табл. 9) и 5,6 % респондентов Северного Казахстана (табл. 10).

Т а б л и ц а 9

Распределение ответов казахов Западной Сибири на вопрос: «Многие ли из Ваших родственников и знакомых уехали из России в Казахстан?» (по данным опросов 2003–2006 гг., %)

	г. Омск	Омская область	Новосибирская область	Тюменская область	Алтайский край
Абсолютные числа	571	148	32	42	336
Выезжали	48,5	52,7	68,8	54,7	53,5
Не выезжали	51,1	46,6	28,1	42,9	38,0
Вернулись обратно	0,4	0,7	3,1	2,4	8,5

Т а б л и ц а 10

Распределение ответов казахов Северного Казахстана на вопрос: «Многие ли из Ваших родственников и знакомых уехали из Казахстана в Россию?» (по данным опросов 2003–2006 гг., %)

	г.Кокшетау	Северный Казахстан (село)
Абсолютные числа	588	459
Выезжали	32,4	26,8
Не выезжали	67,6	73,2
Вернулись обратно	5,9	5,2

Казахи Северного Казахстана считают, что российские казахи такие же, как казахстанские. Мы объясняем это территориальной близостью, поскольку они отличают себя от казахов Южного Казахстана, Западного Казахстана и Восточного Казахстана (в качестве отличий назывались диалект и различия в обрядовой сфере). Казахи Западной Сибири считают себя частью казахского народа, но отличают российских казахов от казахстанских. Респонденты в частных беседах отмечали: «Мы казахи, но мы думаем на русском; говорим по-русски; вместе с русскими справляем их обычаи; ведем себя как русские; мы стали как русские (с выражением «стали как русские» мы сталкивались во всех возрастных группах); мы ведем себя не так, как казахстанские казахи; наш русский язык отличается (тембром речи, темпом речи); у нас другой менталитет». Мы считаем, что в данном случае налицо этноэволюционные процессы, которые являются следствием языковой ассимиляции, и не связываем это с территориальным самосознанием казахов Западной Сибири.

Невысокий процентный показатель миграционных настроений казахов Западной Сибири мы связываем с рядом причин экономического и социального характера. Уровень жизни на территории Западной Сибири выше, чем в Казахстане (шире рынок труда, выше пенсия, ниже пенсионный возраст, сохранен ряд социальных льгот). Другой причиной является трайбализм, имеющий место в Казахстане. Также необходимо отметить, что система помощи оралманам в Казахстане эффективно не функционирует. Например, И.В.Октябрьская, рассматривая реэмиграцию казахов Алтая из РК в РФ отмечала, что казахи из глубинных районов Азии, в том числе из Алтая, являлись носителями архаичных диалектов, традиционных соционормативных ценностей и культурных технологий и не были включены в этносоциальные структуры принимающего казахского сообщества, ориентированные на принципы жузовой и клановой солидарности. В Казахстане казахов Алтая называли «алтайцами», подчеркивая их этнолокальную специфичность [12; 197,198].

Е.И.Ларина, рассматривая миграцию казахского населения на основе полевых материалов, собранных в Саратовской, Самарской и Оренбургской областях, а также в Кош-Агачском районе Алтайского края, приходит к следующему выводу: «Миграционная ситуация среди казахов России и Казахстана определяется двумя ведущими факторами — экономическим положением и идейными конструктами политиков обеих стран. Причём масштабы кампаний по возвращению соотечественников, хоть и на историческую родину, но во вновь образованных границах, сопоставимы с масштабами различных преобразований советской эпохи, когда огромные массы населения государство легко перемещало для выполнения различных целей. Российско-казахстанская граница, протянувшаяся на 7,5 тыс. километров, делимитированная в 2005 г., по сути, представляет собой подвижную этноконтракт-

ную зону, стремительно реагирующую на любые колебания в экономике и политике двух государств» [13].

Казахстанский исследователь А.Мусабаев выделил ряд проблем, с которыми сталкиваются репатрианты из ближнего и дальнего зарубежья:

– недостаточность, редуцированность гражданских прав из-за отсутствия оптимальных межправительственных соглашений об упрощенных процедурах выхода из гражданства ряда зарубежных стран, механизмов оперативного предоставления казахстанского гражданства;

– недоработанность законодательной базы из-за нестыковки основного документа, регламентирующего иммиграционные процессы Закона «О миграции», с последующими правительственными актами и постановлениями; неисполнение чиновниками отдельных статей этого закона;

– тяжелое экономическое положение, несопоставимое с жизненным уровнем местного сельского населения, как следствие мизерности размеров государственной помощи, оказываемой оралманам, нерегулярности либо отсутствия их выплат из-за бедственного положения экономики страны, частных фактов хищений бюджетных средств чиновниками центральных и местных миграционных служб;

– отсутствие у большинства оралманов жилья, как следствие процесса приватизации на селе, в котором репатрианты, из-за редуцированности гражданских прав, не смогли принять участие;

– высокий уровень безработицы, обусловленный кризисными явлениями в экономике регионов, недоступностью кредитов из-за отсутствия казахстанского гражданства либо залогового имущества;

– отдельные аспекты адаптации репатриантов к современным условиям Казахстана, ведущие позиции среди которых занимают: наличие языкового барьера из-за незнания русского языка, имеющего де-факто статус официального; незнание законодательства Республики Казахстан; факты пренебрежительного отношения к ним местного населения.

Усугубляют указанный перечень проблем отсутствие центров по адаптации, индифферентное отношение чиновников к проблемам оралманов [14; 40–44].

В ходе проведения этносоциологического опроса населения Тюменской области информаторы отмечали следующее: «Мы готовы переехать в Казахстан, но это повлечет ряд проблем. Во-первых, на нашей земле живут другие люди, во-вторых, переезжать необходимо всем кланом, чтобы помогать друг другу, в-третьих, на новом месте нужно построить жилье, начать производство, а это невозможно сделать без помощи государства. Мы обращались со своими предложениями в г. Петропавловск, но ответа не получили».

References

- 1 *Bromley Yu.V.* Sketches of the theory of ethnos. — Moscow, 1983. — P. 180; *Kozlov V.I.* Problem of ethnic consciousness and its place in the ethnos theory // *Soviet ethnography*. — 1974. — № 2. — P. 84–86.
- 2 *Viner B. Yu.* Ethnicity: in search of a studying paradigm // *Ethnographic review*. — 1998. — № 4. — P. 3–26.
- 3 *Zarinov I.Yu.* A historical framework of a phenomenon of ethnicity (concerning S.V.Cheshko's article «The person and ethnicity») // *Ethnographic review*. — 1997. — № 3. — P. 21–31.
- 4 *Ribakov S.Ye.* To a question of the concept «ethnos»: philosophical and anthropological aspect // *Ethnographic review*. — 1998. — № 6. — P. 3–15.
- 5 *Cheshko S.V.* Humen and ethnicity // *Ethnographic review*. — 1994. — № 6. — P. 35–49.
- 6 *Ribakov S.Ye.* About methodology of research of ethnic phenomena // *Ethnographic review*. — 2000. — № 5. — P. 3–16.
- 7 *Tishkov V.A.* About ethnicity phenomenon // *Ethnographic review*. — 1997. — № 3. — P. 3–21.
- 8 Discussion of the report of V.A.Tishkov «About ethnicity phenomenon» // *Ethnographic review*. — 1998. — № 1. — P. 31–49.
- 9 *Zarinov I.Yu.* Society – ethnos – ethnicity – the Nation – Nationalism // *Ethnographic review*. — 2002. — № 1. — P. 3–29.
- 10 *Ribakov S.Ye.* Ethnicity and ethnos // *Ethnographic review*. — 2003. — № 3. — P. 3–24.
- 11 *Provatorova O.M.* Modern ethnic processes among rural Kazakhs of Western Siberia: author's abstract of the dis. of the c-te of hist. sciences. — Leningrad, 1986. — 18 p.
- 12 *Octyabrskaya I.V.* Kazakhi of Altai: ethnopolitical and sociocultural processes in borders of the Southern Siberia XIX–XX ages.: author's abstract of the dis. of the d-r of hist. sciences. — Novosibirsk, 2004. — P. 197–198.
- 13 <http://www.postsoviet.ru/> access date 02.06.2009.
- 14 *Musabaev A.* Problem of repatriates and their influence on ethnic structure of the population of Kazakhstan // *Political – policy*. — 2006. — № 6. — P.40–44.

А.С.Сарсамбекова

Батыс Сібір және оған шекаралас Қазақстан территориясы қазақтарының этникалық өзіндік санасындағы процестер (XX ғ. соңы – XXI ғ. басы)

Зерттеу материалдарының мазмұны Батыс Сібір мен Солтүстік Қазақстанның шекаралық өңірлерінде жүргізілген этноәлеуметтік сауалнамаларға сүйенеді. Мақалада Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасының трансшекаралық аймақтарындағы қазақтардың этникалық сана-сезімдер мәселесі қарастырылды. Алдымен «этникалық сана-сезім» ұғымына анықтама берілді, содан соң XX ғасырдың соңында «Этнографическое обозрение» журналының беттерінде орын алған пікірталастар келтірілді. Автор өткен ғасырдың аяғындағы саяси процестердің этникалық сана-сезімдер дамуына қаншалықты әсері болғанын айқындады. Нәтижесінде зерттеу жүргізілген аймақтарда этникалық сананың бірнеше деңгейлері белгілі болды. Бұған қоса XXI ғасырдың басындағы Ресей Федерациясындағы қазақ халқы өкілдерінің қауіптену деңгейлері де қарастырылған. Және Ресей Федерациясы қазақтарының миграциялық көңіл-күйлері зерттелген (этникалық Отанға қайтып оралу мәселесі).

A.S.Sarsambekova

Processes in the ethnic consciousness of Kazakhs of Western Siberia and adjacent territories of Kazakhstan (end XX – beginning of XXI century)

As material for research data of carried-out ethnosociological poll of Kazakhs of Western Siberia and adjacent territories of Northern Kazakhstan served. In article processes in ethnic consciousness of Kazakhs of a cross-border zone of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan are considered. Concept definition «ethnic consciousness» is originally given, the discussion which was taking place on pages of the magazine «Ethnographic review» at the end of the XX century is presented. Further the author noted influence of the political processes occurring at the end of the last century, on processes in ethnic consciousness. Result of it was allocation some levels of ethnic consciousness of Kazakhs of the studied territory. Along with it level of uneasiness of the Kazakh population of the Russian Federation at the beginning of the XXI century is considered. Migratory moods of Kazakhs of the Russian Federation (possibility of return to the ethnic Homeland) are also investigated.